

ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ХУДОЖНИКА

На XXV съезде партии говорилось о новых произведениях, в которых находит отклик то основное, сущностное, чем живет страна, что стало частью личных судеб советских людей. Говорилось и о том, что «производственная тема» обрела подлинно художественную форму. И сам собой напрашивается вопрос — насколько дорожим мы своими достижениями в этой теме? Не преждевременно ли относим к однодневкам произведения, получившие — пускай и без критических замечаний — широкое общественное звучание? Ведь пока счет этих произведений не слишком велик, и тем более бережного внимания они заслуживают.

Есть вещи, неразличимые в обычных условиях, до поры затаенные, и чтобы увидеть их, иногда нужен дополнительный свет. Борис Равенских своим спектаклем «Мезозойская история», мне кажется, высветил прежде не тронутые искусством проблемы.

В «Мезозойской истории» М. Ибрагимбекова я впервые в жизни сыграл рабочего. Бурильщик Сабир — из тех людей, на ком держится наша гигантская индустрия. Человек прямодушный, искренний, может быть, не всегда и во всем правый, он неизменно честен и совестлив. А такого героя ждут и любят зрители. Мода может поменяться на все что угодно, а вот совесть неподвластна ни моде, ни времени. Честь и совесть всегда стоят рядом.

Жаль только, что события, происходящие в спектакле «Мезозойская история», перестали быть актуальными для Малого театра, эту пьесу открывшего. На мой взгляд, спектакль этот непозволительно рано сошел со сцены. Ведь пьеса затрагивает одну из важнейших тем современности. Споры об энергетических богатствах земли занимают весь мир. Вокруг использования запасов нефти сталкиваются глубочайшие нравственные противоречия. Здесь и отношение людей к прародительнице-природе, и забота о современном и будущих поколениях, здесь противоборствуют самоотверженность и эгоизм, самоотречение и стяжательство. Косность и смелость, размах и крохоборство здесь завязаны в нерасторжимый узел. Мне кажется, с годами пьеса обретает все большую актуальность, и независимо от того, какой будет судьба мезозойской нефти, пьеса остается в ряду произведений остро-современных.

Напомню, что, посмотрев спектакль, Мариэтта Шагинян весьма убедительно писала о том, что он затрагивает важнейшую проблему соотношения между потребностями сегодняшнего дня, до разреза необходимыми сейчас, и научной, перспективной работой на будущее. Она писала о диалектике двух больших целей — сегодняшнего и завтрашнего дня и, в частности, о том, как типичны действующие лица пьесы. Премьера состоялась накануне XXV съезда партии, и разговор о близких и дальних целях был актуален. Спектакль побуждал людей работать получше, попрочнее, покрасше, чтобы их сегодняшнее дело легло в основу завтрашнего.

Разве утратил свою актуальность этот разговор накануне XXVI съезда партии? Мне кажется, он приобрел еще большую остроту.

Обсуждая сегодня проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии, мне хотелось бы подчеркнуть значение двух категорий — профессиональной чести художника и его партийной совести.

Появлялись и, увы, появляются спектакли, где и в современной пьесе или даже в классической режиссеры, акцентируя внимание на фразе, паузе, создают намеки на определенное неблагоприятное в нашей сегодняшней жизни, а у некоторой части зрителей при этом от восторженных аплодисментов горят ладони. Порой это случается и на эстраде.

В проекте ЦК КПСС говорится о необходимости повы-

сить роль социалистического искусства в формировании марксистско-ленинского мировоззрения. Я дополнил бы это положение словами о необходимости повышать мировоззренческий уровень и самой творческой интеллигенции.

Гражданская неколебимость, партийная совесть художника ничего общего не имеют с мелким, обывательским зубоскальством. Истинный художник всегда выше этого, низость заушательской критики ему глубоко противна. Много раз я наблюдал: человек двоедушный, двуличный в жизни, привыкший к вранью, хочет он того или нет, остается и на сцене носителем этих пагубных привычек. И искусство мстит ему: сцена или экран категорически не принимают фальши. Но если в жизни мы бываем терпимы к лицемерию, искусство категорически его отвергает. Душевная

**Игорь
ИЛЬИНСКИЙ,
Герой Социалистического
Труда, лауреат
Ленинской премии,
народный артист СССР**

опустошенность художника оборачивается его профессиональным крахом, под грузом вранья талант иссыхает.

Я думаю, сегодня нам очень важно обратить внимание на то, что в искусстве появились люди, которые научились ловко приспосабливаться к требованиям дня, не разделяя их всем сердцем. Спекулируя на актуальной теме, они «предрекают» свою удачу. Есть и те, кто думает, что известное имя или старые заслуги обладают магией вечного успеха.

В том и смысл нашей профессии, чтобы каждый раз заново добиваться признания. Есть люди, которых устраивает захваливание. Они вырывают в себе даже некий особый слух — слышат про себя только хвалебные слова, а если до них донесется критическое мнение, они начинают настоящую войну с критиком. И тогда по их наущению со всех сторон слышится: «Как можно? Это же разное!». И строятся прогнозы — а что-то будет с критиком, осмелившимся поднять голос на человека с таким положением?

Я говорю об этом потому, что зная подобное отношение и к самому себе. Меня хвалили, когда хвалить не следовало, потому что считалось, что критиковать Ильинского «неприлично». А почему, собственно? Да, критикой я мог быть раздражен, да и кому, честно говоря, приятно, когда его критикуют? Но я знаю цену критике и стою на том, что в каждом из нас должно быть воспитано умение ценить критику. Для художника критика неизменно остается чистой душой, чистой профессиональной и творческой совестью.

Критику, разумеется, нелегко. Добренских критиков любят, а критик — человек, и, как и всем нам, ему тоже хочется, чтобы его любили. Но я отношусь нетерпимо к критике благосклонной, если в ней присутствует заранее предусмотренная или оговоренная комплиментарность. Захваливание наносит вред, и прежде всего потому, что всегда есть люди, которых это захваливание устраивает. Мне думается, критерием уравновешенности, объективности критика всегда может служить мера его искренности. Критик обязан взвешивать, что даст его выступление — станет ли оно для художника стимулом к творческому переосмыслению работы или погасит желание вновь углубляться в нее.

Критик обязан увидеть, чем стала для художника его новая работа — праздником души, взлетом мысли или не вышла за рамки профессиональной обязанности.

До сих пор нахожусь я во власти образа Льва Николаевича Толстого из спектакля «Возвращение на круги своя».

Он привлек меня не только возможностью впервые сыграть не в пьесах Толстого, а сыграть самого художника. Главной творческой темой, внутренним содержанием роли для меня стала убежденность художника, возможность душой ощутить трагическое противоречие совести Л. Толстого с его жизнью. По сути дела, в пьесе идет спор о единстве слова и дела, об идеалах Толстого и их соответствии его нравственной позиции.

Почему Л. Толстой был и остается властителем души? Всем созданным им, да и всей своей жизнью он утверждал, что истинное знание — самостоятельно, что истинное мнение — самостоятельно, что проповедь добра становится добром, если ты сам не только исповедуешь благородные принципы, но и следуешь им. До сих пор, хотя спектакль уже записан на пленку, роль эта продолжает тревожить меня. Суть, наверное, в том, что мне беспрельдно дорога тема пробуждения совести.

Трудно было воссоздать истинного Толстого на сцене, но не менее трудно поставить и сыграть Чехова, истинного Чехова с его правдой, добротой, искренностью, которая не менее велика, чем у Толстого. Сейчас Малый театр приступил к работе над «Вишневым садом». С Чеховым случается так, что его либо играют мелко, правденкой, на полтонах и тогда тонкость его мысли, его правды улетучивается, и Чехов (это Чехов-то!) становится скучен, либо педантируется его юмор, его искренность комикется, и тогда тоже уходит Чехов.

Я никогда прежде не играл в пьесах Чехова, хотя много работал с его словом на радио. И всегда было трудно найти чеховскую интонацию, чеховскую правду. Я испытывал на себе, как она ускользала, когда чуть переиграешь. Но невозможно выявить ее и в полтонах, в «тихих сценах» — этот путь не приведет к истинному Чехову.

Взявшись за «Вишневый сад», я прекрасно понимаю, что иду на рискованный и трудный шаг. Эта пьеса — вроде синей птицы — зовет и уходит. А мне все явственнее кажется, что ее можно и нужно играть во весь голос. Мы начали работу осторожно и бережно, но я думаю, мы заговорим во весь голос. Это вылилось на первых репетициях. Конечно, разговоры и споры идут нескончаемые, но они необходимы, потому что это идет постижение Чехова, душевного движения его героев.

Возникает множество вопросов — как показать, что именно Петя Трофимов — главный герой Чехова? Хочется, чтобы в этом образе не было навязшей в зубах схемы, а жила устремленность, которая совпадает с характером современного зрителя. Пусть над Петей можно где-то пошутить, посмеяться над его неловкостью, но ключ к этому образу я вижу в словах Л. Толстого о чеховской «Душечке». Толстой говорил, что Чехов хотел посмеяться над Душечкой, но бог поэзии запретил ему это. Нам предстоит убедить зрителя в незыблестности, внутренней стойкости Пети Трофимова. Петина вера в торжество жизни, нелепая в тех условиях, совпадает с самыми большими мечтами великих русских писателей.

А в женских образах спектакля меня привлекает возможность передать чеховское понимание чистоты, красоты, истинного чувства, отношения к женщине, как к святыне. Мне представляется очень важным передаровать эти чувства современной молодежи. Я убежден, что Чехов необходим старшей русской сцене Малого театра.

В проекте XXVI съезду партия планирует расширять возможности для гармоничной духовной жизни людей, доступа всего населения к культурным ценностям. Для каждого художника в этой перспективе открываются возможности полной творческой отдачи.